

В.В. ИВАНТЕР

Научный руководитель
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН

ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

(Статья подготовлена на основе выступления академика В.В.Ивантера на Московском академическом экономическом форуме 15 мая 2019 года. Бумажная версия статьи будет опубликована в 218 томе Научных трудов Вольного экономического общества России)

Ивантер Виктор Викторович. Уважаемые коллеги, поскольку здесь не все экономисты, то я постараюсь обсудить проблемы роста без традиционного макроэкономического словоблудия и обливания слезами по поводу проблем.

Все наши проблемы будут в основном решены, если у нас получится серьёзно увеличить темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП). При этом иногда можно услышать, что валовый внутренний продукт неправильно отражает экономические результаты, и потому ориентироваться на динамику ВВП не нужно. Все это пустые разговоры, потому что валовый внутренний продукт, если отбросить подробности, – это сумма доходов в экономике.

Если в стране новых доходов, связанных с ростом ВВП, не появится, то решать проблемы страны можно будет единственным способом – за счет перераспределения: у кого-то забрать, кому-то дать. Мы такой опыт имели и в советское время, и в 90-е годы. Результаты, как известно, были негативными [1-3].

Значит, России нужен полноценный экономический рост. По большому счету, обеспечить реальный рост экономики могут только инвестиции. Инвестиции, оплодотворённые современными технологиями [4, 5].

Но дело в том, что в стоячую экономику никакой психически здоровый человек денег не вкладывает. Зачем вкладывать, если непонятно, кто купит дополнительную продукцию. Спроса-то нет! Следовательно, ситуация такова: с одной стороны, чтобы обеспечить более высокие темпы роста, нам нужно увеличивать норму накопления в экономике до 25% ВВП, а с другой стороны, частный бизнес вкладывать в стагнирующую российскую экономику не очень готов [6]. Значит, единственный способ заключается в том, чтобы государство взяло на себя инициативу и само начало вкладывать деньги. Например, в модернизацию инфраструктуры.

На рисунке 1 показан потенциал экономического роста в России. Этот расчет мы сделали у себя в Институте народнохозяйственного прогнозирования. В настоящее время мы оцениваем возможный годовой прирост ВВП в +4,8%. При этом прирост ВВП за счет увеличения спроса раскладывается следующим образом: прирост чистого

экспорта – 0,8%, прирост валовых накоплений – 2,6%, прирост госпотребления – 0,3% и прирост потребления домашних хозяйств – 1,1%. Замечу, что ту часть приростов, которая не относится к накоплению, можно считать сегодняшним потенциалом безинвестиционного роста (рис. 1).

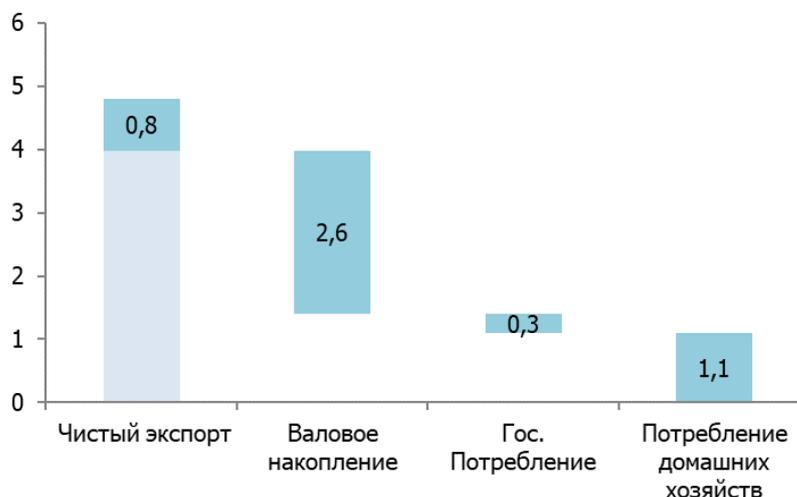

Рисунок 1. Наполнение экономического роста в 2019-2025 гг.

Что касается факторов предложения, то в этом случае прирост ВВП раскладывается так: вложения в инфраструктуру – 1% плюс, ввод жилья – 0,8%, увеличение эффективности экспорта – 0,7%, модернизация машиностроения – 0,8% и экономическая инерция (рост эффективности использования ресурсов) – 1,5%. Получаем те же самые 4,8% (рис. 2).

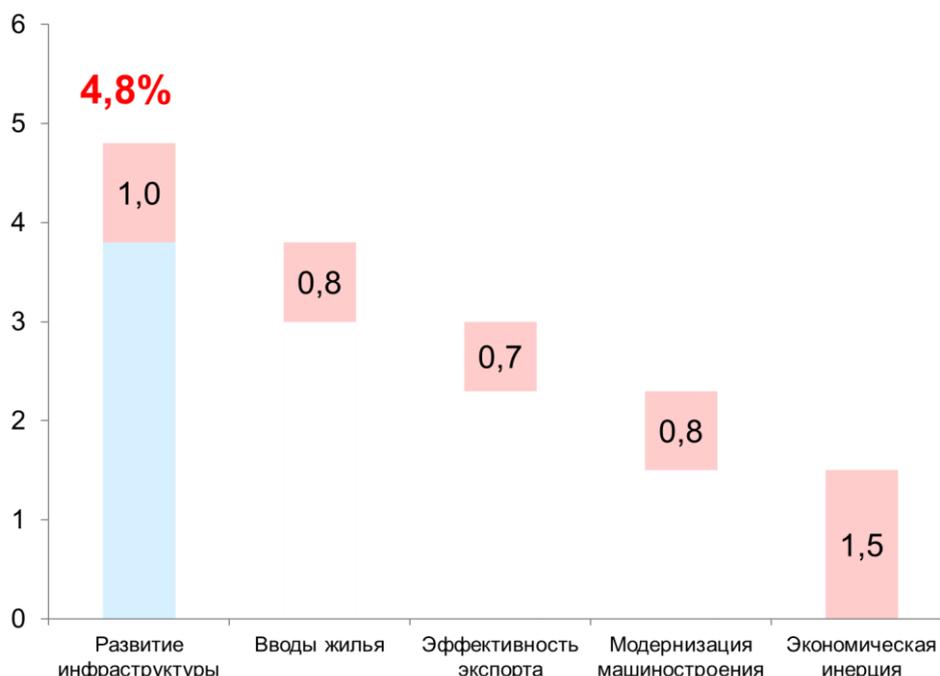

Рисунок 2. Экономический рост по направлениям в 2019-2025 гг.

Все это соответствует ориентиру, который был поставлен в послании Президента. Там было сказано, что к 2024-2025 году нам надо в полтора раза увеличить показатель ВВП в расчете на душу населения. Расчеты показывают, что для выполнения этой цели действительно нужны ежегодные темпы прироста ВВП по 4,5-5% [7, 8].

Теперь надо понять, а реалистично ли это? Что нужно, чтобы запустить экономический рост?

Для этого, прежде всего, нужны свободные мощности. Давайте оценим потенциал использования существующих в России производственных мощностей.

График на рисунке 3 показывает нам, что с 2008 года ввод мощностей существенно опережал рост валового внутреннего продукта. Если темп прироста ВВП в эти годы болтался вокруг нуля, то производственные мощности за это время увеличились почти 40%.

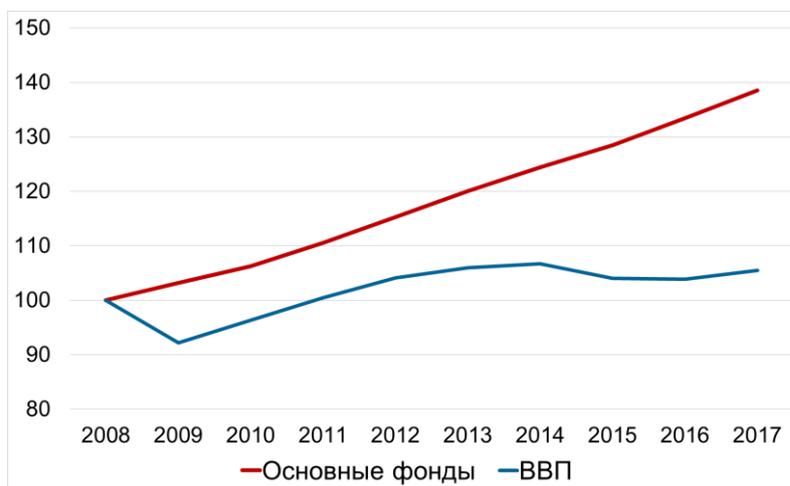

Рисунок 3. Динамика основных фондов и ВВП в сопоставимых ценах (2008 г.=100).

А на рисунке 4 показано, что из этого следует. Первое: если мы примем уровень загрузки мощностей, имевший место в 2008 году, за 100%, то в 2017 г. этот уровень составлял только 76% и к сегодняшнему дню остался практически на том же уровне. Второе: даже если мы больше не будем вводить новые мощности, а просто начнем повышать степень использования существующих, то при темпе прироста ВВП, равном 5% в год, нам запаса этих мощностей хватит вплоть до 2023 г.

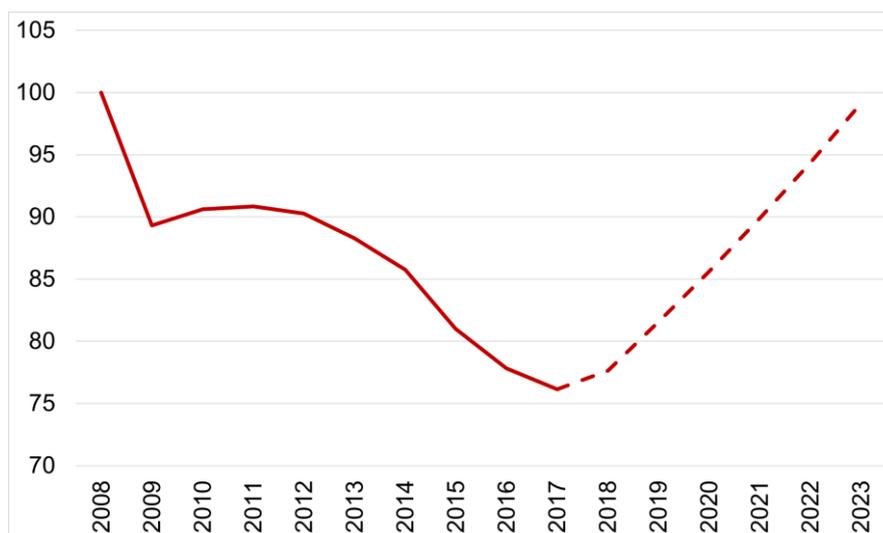

Рисунок 4. Загрузка основных фондов (в 2008 г. загрузка равна 100%).

Теперь надо понять, а есть ли в стране спрос на дополнительную продукцию?

Давайте для начала оценим физический спрос. На рисунке 5 показано, что в 2018 году покупки автомобилей у нас упали до миллиона семисот тысяч штук по сравнению с двумя миллионами двумястами тысячами в 2014 году. Продажи микроволновых печей сократились почти на 600 тысяч штук, продажи стиральных машин и холодильников также сильно упали. Фактически это отложенный спрос. Чтобы покрыть этот спрос, надо наращивать выпуск как минимум в течение нескольких лет. Иными словами, уже сейчас понятно, кто захочет купить новые автомобили и прочие товары длительного пользования.

Рисунок 5. Спрос на ключевые товары длительного пользования, тыс. шт.

В то же время нас как экономистов интересует не физический, а платёжеспособный спрос. Но платёжеспособность спроса определяется наличием в стране финансовых ресурсов. И вот здесь у нас проблемы точно нет. Объем финансовой ликвидности в нашей экономике по факту избыточен. И потенциально эту ликвидность вполне можно использовать для того, чтобы обеспечить деньгами неудовлетворенный физический спрос.

Но для запуска экономического роста нужен еще и третий фактор - труд. Без трудовых ресурсов мощности не заработают. Нередко говорят, что у нас, дескать, серьезный дефицит трудовых ресурсов. Но давайте посмотрим на ситуацию с интенсивностью труда. Доля персонала в обрабатывающих отраслях, работающего с низким уровнем интенсивности, равна примерно 20% (рис. 6). Замечу, что низкий уровень интенсивности – это такое интеллигентное выражение, а в действительности эти люди просто присутствуют на рабочем месте и ни черта не делают. Вот вам и резерв рабочей силы.

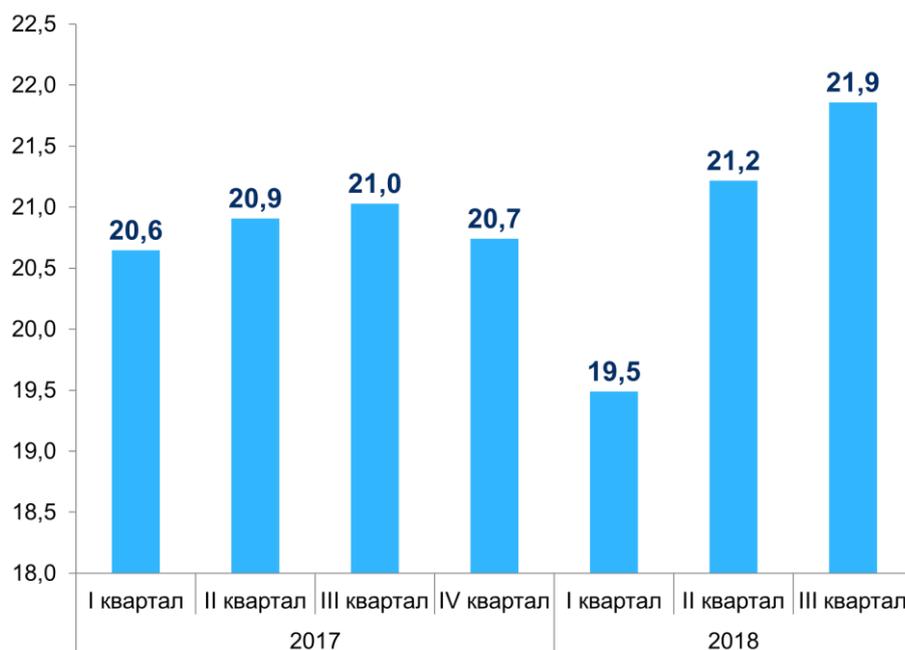

Рисунок 6. Доля работников обрабатывающих производств, работающих с низким уровнем интенсивности, %.

Еще один резерв – работники, занятые низкоквалифицированным трудом. Их можно достаточно быстро переобучить и переместить на рабочие места с гораздо более высокой производительностью. Таких работников у нас больше 25% (рис. 7). Это, правда, чуть лучше, чем в Турции и Болгарии, но всё равно очень много.

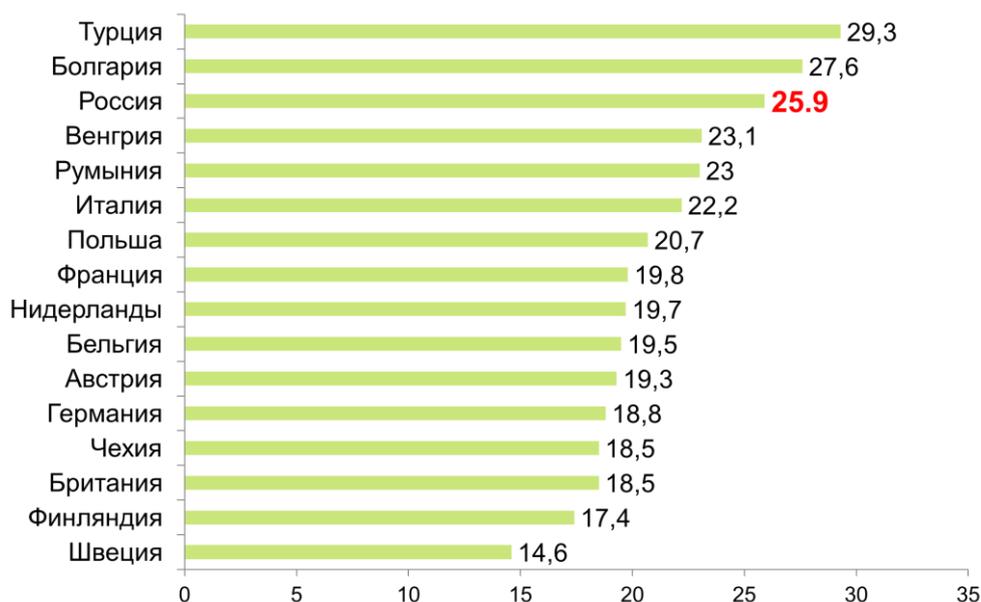

Рисунок 7. Доля работников занятых низкоквалифицированным трудом (без мигрантов), %.

Также хочу показать наши расчеты по поводу того, как повышение темпов экономического роста скажется на качестве жизни. По нашим оценкам, если мы используем имеющийся потенциал экономического роста, реальные располагаемые денежные доходы могут вырасти к 2025 году в среднем на 30%. При этом структура потребления домашних хозяйств (ПДХ) также станет более благоприятной: доля расходов на продовольствие снизится, а покупки автомобилей и жилья вырастут (табл.1).

Таблица 1. Структура потребления домашних хозяйств

	2018	2020	2025	2030	2035
Реальные располагаемые денежные доходы, 2018 = 1	1.0	1.1	1.3	1.5	1.7
Расходы на продовольствие, % ПДХ (2016)	28.3	27.0	24.0	20.0	15.0
Расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия, % ПДХ (2016)	5.4	6.0	7.0	7.5	8.0
Обеспеченность жильем, кв. м. на чел. (по состоянию на конец 2017 г.)	25.2	27	30	33	36
Число легковых автомобилей на тыс. чел. (2017)	305	340	370	400	430

Теперь еще один очень важный вопрос, а как запустить в действие весь этот потенциал роста?

На мой взгляд, в первую очередь надо тиражировать собственные успехи. Я готов назвать, по крайней мере, три крупнейших успеха, которые можно считать совершенно уникальными.

Первый успех был достигнут в отечественном сельскохозяйственном производстве. К настоящему времени мы превратились в крупнейших экспортеров продовольствия. Да, в нашей истории уже был период, когда аграрная продукция была важнейшей статьёй российского экспорта. Императорская Россия тоже вывозила много продовольствия. Но при этом в стране время от времени случался голод. Иными словами, в те времена сельскохозяйственный экспорт в определенном смысле обострял внутреннюю ситуацию.

А сейчас мы экспортируем именно избыточную продукцию. Доказательство этому – позиция западных стран по поставкам продовольствия. Они развлекаются санкциями и все время пытаются запретить поставки в Россию той или иной продукции. Но в части поставок продовольствия западные страны никаких санкций против нас не вводят. Хотя в советское время они использовали этот рычаг очень активно.

Второй совершенно сумасшедший успех – это полноценная реанимация нашего оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Юрий Дмитриевич Маслюков, человек, который знал проблемы «оборонки» едва ли не лучше всех в стране, в 1998 году писал, что мы бóльшую часть ОПК потеряли и потеряли навсегда. Но сейчас выяснилось, что ничего похожего: ОПК действительно удалось реанимировать.

Бывают, конечно, и проблемы. Например, в космосе не всё и не всегда летает. Но ведь в своё время и у Королёва с Челомеем не всё всегда летало. У них тоже случались серьёзные трудности.

Это уникальное достижение важно ещё и тем, что оборонно-промышленный комплекс – это именно тот сектор, который может обеспечить технологический рывок в стране. Правда, для этого надо ещё удачно провести так называемую конверсию. Мы во времена позднего СССР такую попытку уже делали, но она, прямо скажем, оказалась крайне неудачной [9]. Но если сейчас мы будем решать эту задачу более разумно и эффективно, то сможем получить серьёзнейший результат и, наконец, сократим технологическое отставание от передовых стран.

Третий успех, на который обязательно надо указать, – это целая группа замечательно реализованных в России мегапроектов. Например, зимняя Олимпиада-2014, при подготовке к которой совершенно выдающимся образом благоустроили город Сочи и его окрестности. Саммит АТЭС, который позволил кардинально улучшить инфраструктурную ситуацию во Владивостоке, построить там потрясающие мосты и дороги. Можно также вспомнить успешную подготовку наших городов к

первенству мира по футболу, необычайно быстрое строительство очень нужного стране Керченского моста и так далее.

Теперь хочу сказать несколько слов о том, что мешает экономическому росту. А мешает ему бесконечное откладывание важных действий в экономике. Вот, например, в 2014 году, когда экономисты-академики встречались с президентом, обсуждался вопрос о проектном финансировании. Если бы у нас было масштабное проектное финансирование, оно могло бы значительно ускорить экономический рост. Президент одобрил эту идею. В рамках проектного финансирования, в частности, решается проблема отсутствия залогов под кредит, потому что залогом здесь является сам проект. Потому что если залога нет, то банки выдают кредиты не тем, кому они нужны, а тем, у кого деньги и так есть.

Прошло пять лет. Что у нас есть? У нас есть проектные офисы, у нас есть инструкции, у нас только проектного финансирования как не было, так и нет. Иными словами, важное и нужное решение приняли, но не выполнили.

Еще один похожий пример. Как я уже сказал, инфраструктурные проекты способны обеспечить очень значимый вклад в экономический рост. Но ведь о них надо не только говорить, их надо запускать... Уже больше десяти лет ведутся разговоры о высокоскоростных железнодорожных магистралях (ВСМ). И никто до сих пор не знает, где и куда эти ВСМ у нас будут прокладывать? В Казань, в Сочи или в Питер? Или по-прежнему книга Радищева «О путешествии из Петербурга в Москву» останется у нас актуальной? Ну примите же, в конце концов, решение и начните строить.

И наконец, ещё одна принципиальная проблема – это проблема заработной платы. У нас не будет никакого экономического роста и никакого технического прогресса, если не будет роста заработной платы. Часто можно услышать разговоры о том, что будто бы есть какой-то закон о том, что заработная плата должна расти медленнее производительности труда... Хотелось бы знать, кто изобрёл такой закон и как его обосновал? На самом деле, это вопрос соотношений. На каких-то этапах рост зарплаты может опережать рост производительности труда, на каких-то – отставать. А в целом должно быть равновесие между зарплатой и производительностью. В этой связи хочу напомнить пример человека с малосимпатичными политическими взглядами, но очень успешного предпринимателя, Генри Форда I, который доказал, что вложения в высокую заработную плату – это эффективный способ и увеличения спроса, и повышения производительности труда.

Ещё я хотел бы сказать несколько слов о проблемах во взаимоотношениях российской науки, Российской академии наук и общества. В начале 1990-х годов

возник политический миф о том, что если есть деньги, то любые технологии можно купить за рубежом. И тогда зачем нам собственное высокотехнологичное производство? И если всё можно прочесть в умных книгах, зачем нам своя наука? Важны только деньги.

Потом, однако, выяснилось, что купить можно не всё, а только то, что вам согласны продать. При этом продают рядовую технику, а передовые технологические достижения не хотят. Высокие технологии вам готовы продавать только тогда, когда у вас есть свои серьёзные достижения в этой сфере. То есть, рынок технологий – это такой закрытый клуб, куда попадают только те, кто может предложить собственные результаты [10, 11]. В космосе и ядерной энергетике у нас есть свои передовые технологии, поэтому там с нами готовы считаться. А в других сферах нас пытаются к высоким технологиям не подпускать. И чтобы их всё-таки иметь, надо полноценно развивать собственную науку, собственное проектное дело и собственное высокотехнологичное производство.

И в заключение о чтении умных заграничных книг. Мало же прочесть. Надо же понять, что там написано. А чтобы понять, что именно написано, надо этим самым заниматься. Вот ещё зачем нужна сильная национальная фундаментальная наука, без которой, повторю, доступа к самым высоким технологиям мы никогда иметь не будем. Спасибо.

Бодрунов Сергей Дмитриевич. Виктор Викторович, есть несколько вопросов. Вы на них ответите? По минуте на ответ, если можно.

Ивантер Виктор Викторович. Да, первый вопрос такой: «Во всех секторах экономики фактически существует многоукладность. Все ведут себя, как хотят. О каком прогнозировании тогда можно говорить?»

Мой ответ таков: научное прогнозирование – это не угадывание будущего. Прогнозирование – это оценка последствий тех или иных возможных действий. Или бездействия. В рамках прогноза мы должны рассматривать разные сценарии и понимать, чем и почему один возможный сценарий будет отличаться от другого. Это дает возможность делать выбор в рамках экономической политики или корпоративной стратегии.

Второй вопрос: «Почему за период с 2006 г. по 2019 г. Россия в экономике не достигла уровня Португалии? Ведь наш Президент ставил именно такую цель»

Здесь бы я ответил так: кое в чем мы успехов всё-таки добились. Те, кто пьют портвейн, знают, что наш портвейн в последние годы стал очень качественным. Здесь мы реально близки к португальцам. Спасибо.

Библиографический список

1. Яременко Ю.В. Экономические беседы. – М.: ЦИСН, 1999. – 344 с.
2. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. – М.: Наука, 1999. – 414 с.
3. Сапир Ж., Некипелов А.Д., Кувалин Д.Б., Ивантер В.В. Российская трансформация: 20 лет спустя. – М.: Магистр, 2013. – 216 с.
4. Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Борисов В.Н. и др. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4. – С. 3-16.
5. Борисов В.Н., Кувалин Д.Б., Почукаева О.В. Повышение эффективности машиностроительного фактора в регионах РФ // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 4. – С. 52-64.
6. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Зинченко Ю.В. Российские предприятия в конце 2018 г.: взгляд на глобальные цели устойчивого развития и трудности с получением банковских кредитов // Проблемы прогнозирования. – 2019. – №3. – С. 135-148.
7. Широ А.А. О настройке экономической политики на рост // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2018. – Т. 214. – № 6. – С. 316-323.
8. Широ А.А. Возможности ускорения экономического роста в среднесрочной перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 204. – № 2. – С. 73-77.
9. Яременко Ю.В., Рассадин В.Н. Бюрократическая конверсия // ЭКО. – 1993. – № 12 (234). – С. 3-13.
10. Комков Н.И. Научно-технологическое развитие: ограничения и возможности // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 5 (164). – С. 11-21.
11. Комков Н.И. Условия структурно-инновационной политики развития экономики России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8. – № 1 (29). – С. 80-87.